

КАМИЛ НОВА

БОГАЧЕ ШЕЙХА

Дубайская история
о деньгах и свободе

Камил Нова

Богаче шейха

<https://litres.ru/74447168>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты умеешь работать. Но почему жизнь, ради которой ты стараешься, всё время откладывается?

Вечерний Дубай сияет. Артём зажигает свет над чужими праздниками — и мечтает однажды сесть за стол, который сейчас освещает. Он устал быть рядом с красивой жизнью, не позволяя её себе.

«Научи меня богатеть. Только не начинай с того, что я уже богат».

Так начинаются его разговоры с Фаридом — пожилым мастером, который знает цену и деньгам, и собственным ошибкам. Его притчи начинаются с простых вещей: окна, лепёшки, листа бумаги. А приводят к решениям, в которых неожиданно узнаёшь себя.

Артёму предстоит заметить возможности, мимо которых он проходил каждый день и впервые создать не только заработок на сегодня, но и капитал на будущее.

«Богаче шейха» — история с восточными притчами для тех, кто хочет позволять себе больше: быть рядом с семьёй, выбирать работу, путешествовать и распоряжаться собственным временем.

Сколько ещё это будет называться «когда-нибудь»?

Содержание

Глава 1. Место за столом	6
Глава 2. За что платит город	15
Мост, которого не было	19
Глава 3. Цена чужого согласия	26
Весы без второй чаши	28
Глава 4. Деньги, которым есть куда остаться	37
Стекольщик и маленькое окно	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Камил Нова

Богаче шейха

Богаче шейха

Камил Нова

Дубайская история о деньгах и свободе

Книга о достатке в историях и притчах

Глава 1. Место за столом

— Научи меня богатеть, — сказал Артём. — Только, пожалуйста, не начинай с того, что я уже богат.

Фарид перестал искать очки. Они висели у него на воротах рубашки.

— А чем тебе не нравится то, что у тебя есть?

— Нравится. Просто я хочу больше.

— Хорошо. Уже можно разговаривать.

Они сидели у служебного выхода, куда доносился звон посуды. За стеклом светился вечерний Дубай. Внизу, у воды, ждали машины; наверху заканчивался приём, на котором Артём отвечал за свет. Весь день он поднимался по лестницам, прятал провода, поправлял то, чего гости не должны были заметить. Теперь можно было сесть.

Фарид, приехавший проверить изготовленные в его мастерской панели, поставил на колени картонную коробку. Из неё пахло выпечкой.

— Возьми. Кухня отдала нам.

Артём выбрал маленький пирог, откусил и сразу испачкал манжет.

Час назад он стоял у пульта, глядя на человека за круглым столом. Тот подозвал официанта, указал на блюдо, засмеялся в ответ на чью-то реплику. Ничего особенного. Но Артёму вдруг захотелось занять именно это место: приехать после

работы, выбрать ужин, пригласить Нину, не вспоминать при каждом заказе, что дома есть крупа и можно потерпеть.

Он не знал, сколько у незнакомца денег. Возможно, ужин оплачивала фирма. Воображению это не мешало.

— Я умею работать, — сказал он Фариду. — Бывает, весь день без остановки. А между мной и этим столом всё равно как будто стена.

— Сегодня между вами был твой пульт.

— Я серьёзно.

— И я. Ты увидел один ужин и достроил человеку целую жизнь. Может, ему самому сейчас хочется сбежать через наш выход.

Артём усмехнулся, но коробку отодвинул. Ему не хотелось, чтобы разговор закончился утешением за чужой счёт.

— Допустим, с тем человеком я ошибся. Но есть же люди, которые могут себе это позволить. Каждый день. Они не только тратят. У них остаётся.

Фарид снял очки с рубашки, посмотрел на них с удивлением и убрал в футляр.

— Есть.

— Я хочу научиться этому.

Из зала вышел молодой официант и спросил, не видели ли они чёрную сумку. Сумка стояла под стулом Фарида. Тот поднял её за ручку, подождал, пока юноша проверит содержимое, и вернулся к разговору.

— Ты хочешь зарабатывать больше, иметь больше или вы-

глядеть так, будто у тебя больше?

— Всё сразу.

Старик засмеялся.

— Вот теперь честно.

Артём тоже рассмеялся. Ему стало легче. Обычно про желание разбогатеть он говорил либо шуткой, либо вполголоса, словно признавался в чём-то неприличном. Фарид не предложил ему стыдиться.

На запястье старика были красивые часы. Ремешок потемнел у застёжки, стекло оставалось чистым. Свою мастерскую Фарид строил много лет. У него работали люди, которым не требовалось звонить хозяину из-за каждой мелочи. Были и другие вложения, о которых Артём знал мало. Он видел только одно: Фарид мог не брать работу, которая ему не подходила, и при этом не делал вид, что деньги его не интересуют.

— Ты богатый? — спросил Артём.

— Достаточно, чтобы не испугаться твоего вопроса.

— Опять красиво уходишь.

— Да, — признал Фарид. — Я обеспеченный человек. У меня есть имущество, доли в делах, запас денег. Кое-что оказалось удачным, кое-что пришлось продать с потерей. Я оплачиваю свою жизнь. И мне нравится, что могу пригласить в неё других.

Он придвинул коробку.

— Но выпечку всё равно жалко оставлять.

Артём взял ещё один пирог.

— С чего ты начал?

— С того, что долго путал старание с пользой.

Фарид рассказывал без особенной торжественности. Иногда ему приходилось поднимать голос: мимо катили ящики с посудой.

Молодым он расписывал вывески. Мог сидеть над одной буквой, пока рука не начинала дрожать. Ему нравились длинные мазки, точные тени, ровный край краски. Он думал, что хорошие хозяева непременно оценят хорошую работу.

Хозяева оценивали. Иногда хвалили. Иногда просили подождать с оплатой. Иногда выбирали вывеску подешевле.

Однажды владелец маленькой столовой заказал ему надпись над дверью. Фарид сделал всё, чем гордился: добавил узор, подобрал цвет, который к вечеру становился глубже. Через неделю пришёл узнать, нет ли ещё работы.

Хозяин сидел в пустом зале. Из соседнего здания разом вышли рабочие, прошли вдоль стены и повернули за угол.

— Они не заходят? — спросил Фарид.

— Думают, мы открываемся только вечером.

На красивой вывеске не было часов работы. Не было их и на двери. В обед вход заслонял фургон поставщика.

Фарид хотел предложить ещё одну большую надпись. Потом взял обрезок доски и написал, что обед уже готов. Хозяин поставил доску там, где её было видно, и попросил водителя переставить фургон.

Не все рабочие пришли. Некоторые носили еду с собой. Но несколько человек остановились, заглянули в зал, сели. На следующий день вернулись двое.

— И ты разбогател на доске? — спросил Артём.

— Нет. Получил за неё совсем немного. Потом нарисовал ещё несколько бесполезных вывесок. Я не был особенно быстрым учеником.

Он посмотрел на светящиеся окна за стеклом.

— Но впервые спросил себя, что должно случиться у человека после моей работы. Раньше меня интересовало, как выглядит моя буква.

Артём провёл пальцем по пятну на манжете. Крошки прилипли к ткани.

— Значит, нужно делать то, что людям нужно.

— Слишком легко сказать. Человек может хотеть красивую вещь, но выбрать удобную. Может хвалить твою идею и ни за что не заплатить. Нам придётся узнать, за что он действительно готов расстаться с деньгами.

Фарид говорил о первом правиле достатка: **найди пользу, за которую человек готов заплатить**.

Теперь Артёму предстояло проверить собственную уверенность: может быть, он хорошо делал то, что никто не собирался у него покупать.

Может быть, тебе знакомо это раздражение: ты столько умеешь, а платят кому-то менее старательному. Иногда дело действительно в несправедливости, связях или чужом пре-

имуществе на старте. Но остаётся вопрос, на который ты можешь повлиять: понимает ли человек, что изменится для него благодаря твоей работе? Может ли он проверить это до того, как рискнёт деньгами?

Артём думал о людях, которым он говорил: «Занимаюсь светом». Обычно после этого разговор прекращался. Если собеседник был вежливым, он отвечал: «Здорово».

— А богатые не просто продают свою работу, — сказал Артём. — У них деньги сами приносят деньги.

Фарид снял с колен коробку и поставил на свободный стул.

— В моей первой мастерской было два инструмента. Оба моих. Я рассчитывал получать за работу и постепенно покупать остальное. Но сколько бы ни зарабатывал, всё куда-нибудь уходило. Я мог сделать чужую лавку красивее и не мог заменить собственную дрель.

— Знакомо.

— Потом из оплаты одного заказа я оставил деньги на инструмент. Он позволил делать работу, которую раньше отдавал другому. Часть нового заработка я снова оставил. Позже смог платить помощнику, брать несколько заказов, купить место, которое до этого снимал. А ещё позже — вложить часть накопленного вне мастерской. Мне понадобились годы. Но теперь каждый год я начинал уже не с одной пары рук.

Артём посмотрел на его ладони. Широкие пальцы, бледный шрам возле большого. Ему почему-то казалось, что путь

богатого человека должен начинаться иначе.

— Значит, зарабатывать, оставлять, покупать то, что приносит ещё?

— Да. И каждый раз проверять, действительно ли оно приносит. У меня есть вещи, которые оказались хороши только на фотографии.

— А с моим заработком сколько на это уйдёт?

Фарид подвинул коробку, освобождая стул для подошедшего рабочего.

— Долго, если заработок не меняется. Поэтому мы не будем всю жизнь обсуждать, от чего тебе отказаться. Будем учиться увеличивать то, что ты получаешь, и не терять всё увеличение по дороге.

На свободный стул сел мужчина в промокшей от работы рубашке. Взял пирог, закрыл глаза и несколько секунд жевал молча. Артём вспомнил, как сам ел стоя, удерживая телефон плечом, а Нина ждала, когда он наконец сможет ответить без чужих голосов за спиной.

— Я не хочу через десять лет работать ещё больше ради того же самого, — сказал он.

— Тогда тебе нужен результат, который не заканчивается вместе со сменой. Сначала выясним, за что тебе заплатят. Потом — что ты сумеешь оставить и создать на эти деньги. Завтрашний заказ будет началом. Я покажу тебе весь путь, который знаю, но идти по нему придётся тебе.

Артём взял из коробки последний пирог. Рабочий потя-

нулся к нему одновременно и сразу убрал руку. Артём разломил пирог пополам.

В зал уже вносили пустые тележки. Артём поднялся: пора было снимать часть оборудования. Фарид тоже встал, придерживая коробку локтем.

— Завтра у тебя выходной?

— До вечера. Потом несколько часов на складе.

— Приходи утром в мастерскую. Не слишком рано. Мне надо сначала успеть с кем-нибудь поссориться.

— Ты берёшь за это деньги?

— За ссору обычно нет.

Артём улыбнулся, но не отвёл взгляда.

— За то, что будешь меня учить.

— За разговор — нет. Если начнём делать работу вместе, договоримся об оплате до начала. Мне выгодно иметь рядом человека, который хорошо работает и понимает цену работе. Сальма давно говорит, что нам нужен такой мастер по свету. А тебе полезно узнать, действительно ли ты хочешь своего дела. Иногда человек хочет просто хорошего работодателя. Это тоже разумное желание.

Фарид пошёл к лифту, Артём вернулся к пульту.

Пока зал пустел, он вспомнил Нину. Перед поездкой в Дубай он говорил ей, что здесь большие возможности. Нина спросила: «Какая именно у тебя?» Он тогда обиделся на её осторожность и ответил что-то про масштаб.

Теперь вопрос звучал иначе.

Он умел делать так, чтобы свет не слепил человека. Мог заметить неудачную тень, из-за которой хорошая вещь выглядела дешёвой. Умел находить простое решение там, где заказчику уже предлагали дорогое. Это были умения. Возможностью они ещё не стали.

В телефоне Артём открыл пустую заметку. Написал: «Кому это нужно настолько, чтобы заплатить?»

Под строкой ничего не появилось.

Он убрал телефон, снял наушники и начал отключать свет. Сначала погасла дальняя стена, потом колонны у сцены. Остались огни над столами.

Впервые за вечер Артём посмотрел на них без зависти. Официантка, собиравшая бокалы, прикрыла глаза ладонью: один прибор светил прямо ей в лицо. Артём изменил его наклон. Она опустила руку и продолжила работу.

— Так лучше, — сказала она.

Утром он собирался прийти к Фариду раньше, чем тот успеет с кем-нибудь поссориться.

Глава 2. За что платит город

Утром Артём принёс в мастерскую идею, которую успел полюбить по дороге.

Он представлял светильники для дорогих квартир: тонкие, почти невидимые, с мягким светом вдоль стены. Пока автобус полз среди машин, он придумал название, затем другое, получше. Нашёл в телефоне фотографии похожих изделий и решил, чем его будут отличаться.

Фарид выслушал, разглядывая рисунок.

— Красиво.

Артём почувствовал, как расправились плечи.

— А теперь скажи, кто просил тебя это сделать.

— Пока никто. Но посмотри, сколько здесь квартир.

— Вижу. Которая твоя?

— Я не про свою.

— А я про человека, который откроет дверь и заплатит.

Из соседней комнаты вышла Сальма. На её ладони лежал маленький кусочек дерева, испачканный с одного края белой краской. Она приложила его к рисунку Артёма, словно примеряла образец.

— Мы делали похожее, — сказала она. — Хозяин квартиры хотел спрятать провод. Мы предлагали красивую линию света. Он всё спрашивал, где будет провод. Отец обижался.

— Я не обижался.

— Ты перестал предлагать ему кофе.

Фарид вздохнул.

— Совпадение.

Она улыбнулась Артёму и ушла обратно. За перегородкой зашумел инструмент.

— Пойдём, — сказал Фарид. — Покажу тебе одну некрасивую проблему.

В небольшой лавке Мариам продавались серьги, кольца и тонкие браслеты. Стекло витрины было чистым. Над ним ярко горели светильники, отражавшиеся в каждой металлической поверхности.

Артём сразу начал мысленно переставлять их.

— Здесь нужно иначе организовать подсветку, — сказал он хозяйке.

— Мне нужно, чтобы посетитель перестал закрывать глаза рукой, — ответила она.

Мариам попросила его встать на место покупателя. Артём посмотрел вниз. На стекле отражалось столько света, что тонкую застёжку приходилось искать между белыми пятнами.

— Теперь наклонись, как человек, который хочет прочесть маленький ценник.

Он наклонился. Один светильник ударил прямо в глаза.

— Понятно, — сказал Артём.

— Нет, ещё не всё.

Мариам вынула пару серёг, положила на ладонь, затем

поднесла к окну. Камень выглядел иначе.

— Люди спрашивают, какой у него настоящий цвет. Я терю время, объясняю. Кто-то думает, что я пытаюсь его обмануть.

Артём открыл свой рисунок. Ему хотелось всё-таки показать тонкую линию вдоль стены: он успел решить, что она понравится Фариду. Мариам тем временем снова поднесла серьги к окну. Артём закрыл рисунок и спрятал телефон.

Он начал спрашивать. Когда в лавке больше солнца? Можно ли переставлять изделия? Что уже пробовали? Нужно ли менять всё освещение? Сколько времени хозяйка может отвести на проверку?

На последний вопрос Мариам ответила без колебаний:

— До открытия. Закрывать лавку ради твоего света я не буду.

Фарид не вмешивался. Он стоял возле двери и вертел в пальцах коробочку, в которой когда-то продавалось кольцо. Когда они вышли, Артём уже не говорил о сотнях квартир.

— Я могу убрать эти блики.

— Возможно, — сказал старик. — Она ещё не видела.

— Я знаю, как.

— Тем лучше. Покажешь.

Они остановились в тени. Невдалеке мужчина пытался сложить слишком большой лист упаковочной бумаги. Ветер каждый раз раскрывал его обратно.

— Я рассказывал Сальме про корзинщика Надира, — ска-

зал Фарид. — Теперь она напоминает мне его всякий раз, когда я не даю ей закончить предложение. Послушай, что с ним вышло.

Мост, которого не было

Надир плёл корзины так плотно, что торговцы называли их деревянной тканью. В его доме стояли большие корзины для зерна, узкие — для бутылей, круглые — для хлеба. На рынке он выкладывал лучшие перед собой и ждал покупателей.

На другом берегу реки виднелись белые стены большого поселения. Оттуда к рынку ходил паром. По утрам Надир наблюдал, как лодочник привязывает судно к столбу и люди сходят на берег. Они несли пустые сумки, корзины, иногда детей.

Но приходили немногие.

— Вот построят мост, — говорил Надир соседям, — тогда и начнётся настоящая торговля.

Слухи о мосте ходили давно. Правитель обещал его после сбора податей, совет старейшин спорил о месте. В сухой сезон на берег привезли несколько балок. Через месяц балки отвезли на ремонт пристани.

Надир сделал ещё корзин. Когда мост наконец появится, у него должно быть больше товара, чем у других.

Однажды за покупками пришла пожилая женщина. На её старой корзине ручка была перевязана полоской синей ткани. Надир предложил новую.

— Эта ещё послужит, — сказала женщина.

Он показал корзину полегче.

— Здесь и ручка удобнее.

— Верю.

Она купила у соседа немного масла и ушла.

Надир вспомнил её, когда новый паром простоял почти пустым. Лодочник потратился на ремонт и теперь тоже ждал моста: надеялся, что строителям понадобятся перевозки.

— Ты знаешь женщину с синей ручкой? — спросил Надир.

— Знаю. Она редко приходит.

— Денег нет?

Лодочник пожал плечами.

— Спроси у неё.

Надир решил сходить на тот берег. Можно было хотя бы показать товар тем, кто не видел его на рынке.

Женщина жила неподалёку от пристани. Во дворе сушились вымытые миски. Надир застал её у низкой постели: она помогала мужу сесть. Рядом лежал нетронутый кусок хлеба.

Он подождал у ворот, затем показал корзину.

— Я помню, — сказала женщина. — Очень хорошая.

Надир назвал цену ниже рыночной. Она покачала головой.

— Не нужна?

— Сейчас нужна мука. Соседка обещала сходить, но у неё заболел ребёнок.

Он посмотрел на пристань.

— Паром ходит. Я только что переправился.

Женщина тоже посмотрела на реку, будто впервые о ней слышала. Потом вернулась к постели и вытерла мужу подбородок.

Надир переставил корзину из одной руки в другую.

— Ты не можешь оставить его?

— Ненадолго могу. Но надо дойти, дожждаться лодки, купить, дожждаться снова. Бывает, возвращаюсь уже к полудню.

Он предложил принести муку. Женщина дала ему деньги и объяснила, у кого покупать. Надир запомнил не всё, вернулся к воротам, переспросил и только потом ушёл.

За помощь он получил плату. Небольшую: женщина не собиралась оплачивать ему целый день. На берегу Надир подсчитал расходы на переправу и понял, что заработал меньше, чем за починку ручки. Корзину он так и не продал.

На следующий день он пожаловался лодочнику.

— Ты можешь везти покупки, когда я возвращаюсь с рынка, — сказал тот. — Место обычно есть. Но ждать тебя я не буду.

Надир снова пошёл в поселение. На этот раз без красивой корзины.

Он разговаривал у ворот и записывал заказы на дощечке. Многие отказывались: одному нравилось самому выбирать зелень, другой ходил на рынок ради встречи с братом. Остались несколько дворов, согласившихся платить за общую доставку. Рыбу Надир покупать не взялся — боялся принести

испорченную.

Во время дождя промокла одна упаковка, и муку пришлось заменить за свой счёт. Когда Надир снова появился на рынке, сосед кивнул на его испачканные штаны:

— Дошёл-таки твой товар до покупателя. На твоей спине. Надир злился. Хотел бросить.

Женщина с синей ручкой однажды попросила доставить лекарственные травы. Он не нашёл нужных и принёс деньги обратно. Она поблагодарила его так же спокойно, как за удачную покупку.

Через несколько недель заказов хватало на общую перевозку. Надир договорился с лодочником о постоянном месте и продолжил работать у себя во дворе между днями доставки. Теперь он точно знал, сколько времени отдаёт новой работе и что остаётся после расходов.

Свои лучшие корзины он по-прежнему продавал на рынке. Для доставки сделал другие: прочные, без затей, с отделениями, чтобы не путать покупки. Оказалось, обычной пергородке иногда радовались больше, чем сложному узору.

К осени Надир нанял помощника для доставки, а сам снова чаще садился плести. Непроданных корзин во дворе стало меньше. Иногда сосед просил доставить и его товар, но прежней шутки больше не повторял.

Когда женщина наконец заказала новую, он принёс самую лёгкую. Старую хотел выбросить, но она остановила его. Развязала полоску синей ткани и повесила на новую ручку.

— Мне так легче узнать свою.

Надир кивнул. Раньше он непременно объяснил бы, что его плетение узнают и без тряпочки.

Мост открыли через два года. В тот день на рынок пришло много людей, а Надир повёз покупки в знакомые дворы. Теперь дорога была короче. Женщина встретила его у ворот, приняла муку и попросила в следующий раз не забыть масло.

— Ему просто повезло встретить эту женщину, — сказал Артём.

— Повезло. Он мог не пойти. Мог прийти и продолжить продавать ей свою корзину.

— Но продавать свои корзины ему нравилось больше.

— И он продолжил. Только они перестали занимать весь его взгляд.

Артём посмотрел на витрину через стеклянную дверь. Мариам разговаривала с покупательницей. Та прищурилась, и хозяйка вынесла украшение из-под лампы.

Ты тоже можешь начать с того, что уже умеешь. Но полезно хотя бы однажды убрать из разговора собственное предложение. Выслушать, что человек пытается сделать, где теряет время, чего избегает, чем пользуется сейчас. У этого разговора есть неприятная возможность: окажется, что твоя любимая идея ему не нужна. Узнать это до больших трат — хороший результат.

— Как проверить мою? — спросил Артём.

Фарид показал на дверь лавки.

— Спроси хозяйку, что она согласится считать улучшением.

Артём вернулся. Мариам ответила: украшения должны быть хорошо видны, цвет — не вызывать сомнений, а покупателю не придётся искать место, где не слепит. И всё это должно уместиться в существующей витрине.

Они договорились о короткой пробе до открытия, с оборудованием мастерской. Артём объяснил, что покажет один участок и после этого предложит платное решение. Мариам согласилась на пробу, но покупать заранее не обещала.

На обратном пути он начал рассказывать Фариду, как можно осветить всю улицу похожих лавок.

Старик остановился купить воду.

— Сначала одну.

Артём хотел возразить, но вспомнил новые корзины, сложенные в ожидании моста.

Фарид дал оборудование для пробы до полудня: потом оно требовалось другому мастеру. Артём позвонил Льву, рассказал о лавке и попросил согласовать небольшую работу вне смены.

— Попробуй, — ответил тот. — Только вечером на склад вовремя. У нас разгрузка.

Теперь у идеи было утро, которое нельзя было растянуть.

В назначенное утро он пришёл к Мариам раньше неё. Несколько раз посмотрел на часы. Проба занимала совсем

немного места и почему-то пугала сильнее большого мероприятия: там он знал, что должен сделать; здесь предстояло узнать, нужно ли это вообще.

Мариам открыла лавку, сняла покрывало с витрины и положила под свет те самые серьги.

Она долго перемещала их, отходила, возвращалась. Позвала соседку. Та ничего не сказала о красоте оборудования. Просто наклонилась над стеклом и сразу прочитала ценник.

Мариам посмотрела на Артёма.

— Хорошо. Теперь скажи, сколько это будет стоить.

По дороге сюда он придумал несколько сумм. Сейчас ни одна не хотела произноситься вслух.

Глава 3. Цена чужого согласия

Мариам достала кошелёк, и Артём вдруг перестал понимать, сколько стоит его работа.

Ещё минуту назад всё было прекрасно. Он передвинул пробный светильник, убрал последний блик с браслета и услышал:

— Вот. Теперь видно, почему он красивый.

Мариам произнесла это тихо, почти себе. До этого она шурилась, поворачивала браслет, прикрывала стекло ладонью. Теперь могла просто смотреть. Артём впервые увидел свою работу с её стороны и обрадовался так, словно сам сделал украшение.

— Сколько будет за такую витрину целиком? — спросила она.

Он назвал сумму ниже той, которую рассчитывал утром. Слова выскочили легко. Обратно забрать их было уже невозможно.

Мариам нахмурилась.

— Вместе с установкой?

— Да.

— И если положение света придётся поправить?

— Конечно.

Она убрала кошелёк.

— Пришли предложение. Я посмотрю вечером.

По дороге в мастерскую Артём молчал. Фарид тоже не торопился говорить. На светофоре между ними остановился развозной мотоцикл. На коробе была нарисована огромная улыбающаяся креветка.

— Она решила, что дорого? — не выдержал Артём.

— Спроси её.

— По лицу было видно.

— У меня утром было такое лицо. Туфля натирала.

Артём усмехнулся, но ненадолго.

В мастерской Фарид попросил его вспомнить цену, с которой он шёл к клиентке. Затем ту, которую назвал. Затем — что изменилось между дверью лавки и вопросом Мариам.

Ничего не изменилось. Материалы не подешевели. Работы не убавилось.

— Я хотел, чтобы она согласилась.

— Это понятно. А себе ты что предложил?

— В смысле?

— Ты тоже участник сделки.

Фарид вытянул из ящика маленький складной стул. Гостей он усаживал на нормальные стулья, а сам почему-то любил этот, с потёртой зелёной тканью.

— Рассказать про человека, которого все считали удивительно удобным мастером?

Весы без второй чаши

В городе у солёного озера жил ковровщик Ильяс. Он умел так восстанавливать старый узор, что хозяйки потом спорили, где именно была дыра.

У Ильяса была дочь Диля. Она разбирала нити, подбирала оттенки и скоро научилась замечать ошибку раньше отца. В краске, которую другие называли красной, она различала семь оттенков, причём названий пяти из них в семье не знали.

— Эта — как гранат, который ещё нельзя есть, — объясняла она.

Ильяс понимал.

К нему ходили торговцы, чиновники, вдовы, содержатели чайных. Он был особенно счастлив, когда заказчик уходил довольным. От похвалы у него теплело под рёбрами, точно после хорошей еды.

Но цену он назначал странно.

Если человек хмурился, Ильяс сразу уступал. Если тяжело вздыхал — уступал ещё. Если говорил, что приведёт богатого родственника, мастер уже чувствовал себя обязанным.

У себя дома тот же человек мог рассмеяться и заказать к ужину целого барана. Ильяс этого не видел. Он видел вздох.

Однажды торговец кожами принёс ковёр, который собирался подарить будущему зятю. Работа была тонкая и долгая.

Торговец сообщил, что свадьба разоряет его, а потом пообещал поставить мастерскую Ильяс на ноги: на торжестве будут такие люди, каких тот ещё не встречал.

Мастер попросил плату за нити и немного сверх того.

— А наше время? — спросила вечером Диля.

— Зато нас узнают.

Она ничего не ответила. Только запомнила слово «зато».

Они работали после заката. Ильяс поднимал ковёр к лампе, дочь распускала неудачный участок. Во дворе соседи ужинали; запах горячего хлеба проходил сквозь окно, и Диля сердито грызла сухую лепёшку, чтобы не думать о нём.

Ковёр получился великолепным.

Торговец сдержал обещание. После свадьбы в мастерскую пришли трое его знакомых. Все трое знали, что Ильяс — прекрасный мастер. И все знали, какую плату он берёт.

Впервые ему расхотелось слышать похвалу.

Он всё-таки принял заказы. Отказать после такой рекомендации казалось неблагодарным.

Через неделю Диля сказала, что будет работать у гончарки на соседней улице.

Ильяс положил иглу.

— Ты же умеешь делать то, что она не умеет.

— А она умеет делать то, чего не умеем мы.

— Что?

— Платить мне в конце недели.

Он обиделся. Целый вечер чинил подушку, которую давно

собирался выбросить. Жене сказал, что молодые больше не уважают ремесло.

— Дия любит ремесло, — ответила жена. — Ты сам её научил. Поэтому ей неприятно смотреть, как ты его раздаёшь.

Наутро Ильяс пошёл к гончарке.

Он приготовил речь о дочери, о семейном деле, о передаче мастерства. Но увидел Дилю за столом. Она выводила на влажной глине тонкую дорожку, похожую на стебель. Девушка подняла голову — и улыбнулась. Не виновато, как ожидал отец. Спокойно.

Ильяс забыл речь.

Он купил чашку, которая была ему не нужна, и ушёл.

Чашка обошлась дороже, чем он брал за целый вечер своей работы. На дне виднелся крошечный знак мастерицы. Дома он долго водил по нему пальцем.

На следующий день пришёл торговец кожами. Теперь у него прохудился большой ковёр из парадной комнаты.

Ильяс осмотрел повреждение, прикинул время и назвал цену.

Торговец засмеялся.

— За эти деньги можно купить новый.

— Тогда, возможно, вам лучше купить новый.

Произнести это оказалось большее, чем уколоть ладонь иглой.

Торговец ушёл с ковром под мышкой. Никто не ворвался

следом, чтобы наградить мастера за мужество. До полудня было пусто. После полудня тоже.

Ильяс решил, что погубил дело.

К вечеру пришла женщина с маленьким молитвенным ковриком. Она спросила цену и побледнела. Мастер узнал этот вздох. Рука сама потянулась к ниткам.

Он остановил себя и спросил, что случилось с ковриком.

Тот принадлежал её покойной матери. Женщина хотела восстановить весь потёртый край. Денег на это у неё не хватало.

Ильяс показал, как укрепить только распускающийся угол. Красоты прежнего края не вернуть, зато коврик не будет разрушаться дальше. Такая работа стоила меньше. Женщина согласилась.

На обороте коврика сохранились несколько выцветших стежков — видимо, мать хозяйки сама когда-то его подшивала. Он мог убрать их, но не стал.

Женщина провела по ним рукой.

— Спасибо, что оставили.

Впервые за много дней Ильяс почувствовал удовольствие от своей работы, которое не требовало чужой похвалы.

Заказов стало меньше. Не все могли позволить себе долгую ручную починку. Некоторые выбирали новый ковёр, и мастер постепенно перестал считать это личным оскорблением.

Зато он узнал, сколько работы может взять, чтобы обе-

щать срок. Научился обсуждать разные способы ремонта. Раз в месяц помогал человеку бесплатно, если сам этого хотел и мог себе позволить.

Через некоторое время он пришёл к Диле с предложением.

— Мне нужна твоя работа. Вот за что я могу платить. Вот сколько часов. Если согласишься, обсудим.

Диля попросила день подумать.

Раньше эта просьба ранила бы Ильяса. Теперь он кивнул.

Дочь вернулась на два дня в неделю. Остальные оставила гончарке. Ей нравилось узнавать, что ещё умеют её руки.

Ильяс больше не называл это неблагодарностью.

— А потом он разбогател? — спросил Артём.

— На этом история заканчивается, — сказал Фарид.
— Но появилась работа, на которой он мог зарабатывать. Прежде он покупал любовь посетителей за собственный счёт.

В дверях показалась Сальма с коробкой образцов.

— Папа, ты видел серую папку?

— На столе.

— На столе семь серых папок.

— Тогда мою систему уже можно считать сложной.

Она забрала нужную и ушла, качая головой.

Артём посмотрел на записанную цену. Ему захотелось оправдаться: первый клиент, первый опыт, можно зарабо-

тать потом.

— Иногда пробу действительно делают дешевле, — сказал Фарид, выслушав его. — За возможность проверить решение. Но скидка должна иметь причину и границы. Иначе ты будешь каждый раз платить за то, что тебя согласились выслушать.

Он взял чистый лист.

— Представь: из десяти полученных монет шесть ушли на материалы и прочие расходы. Четыре остались. Если все четыре — плата за твою работу, сверх оплаты труда ничего не осталось. Это хорошо: ты заработал. Только на развитие дела отдельные деньги сами собой не появились.

Артём кивнул.

— А если никто не согласится на цену выше?

— Значит, надо разбираться. Может, решение слишком дорого обходится. Может, оно нужно другому покупателю. Может, пользы недостаточно. Поднять цену в голове легче, чем создать то, за что её заплатят.

Это было неприятнее и полезнее рассказа о смелости.

Фарид не предлагал волшебных слов, после которых человек достаёт кошелёк. Мариам имела полное право сказать «нет». У неё тоже были планы на свои деньги.

Артём написал предложение заново. Не стал молча повышать названную сумму. Объяснил, что в разговоре не учёл часть работы, извинился и описал два варианта. Полный — с поправленной ценой. Меньший — только для центральной

части витрины, которую они уже проверили, за первоначально названные деньги.

Он отправил сообщение и положил телефон экраном вниз.

Ответ пришёл через два часа.

Мариам выбрала меньший вариант.

«Мне сейчас этого достаточно. Остальное пока оставим».

Артём прочёл сообщение дважды. Он так боялся отказа, что даже не подумал: клиентка может захотеть купить меньше. Она не обязана была выбирать между восторгом и уходом.

На следующий день он зашёл уточнить размеры. Мариам разговаривала с покупателем. Тот вертел в пальцах серьгу и уверял, что видел точно такую же втрое дешевле.

— Возможно, — ответила она. — Эту делает моя сестра. Посмотрите на застёжку.

Покупатель посмотрел. Спросил ещё раз о скидке. Мариам предложила другую пару, проще. Он выбрал её и ушёл.

— Вы даже не обиделись, — заметил Артём.

— На что?

— Что сравнил с дешёвой.

Она рассмеялась.

— Он не живёт у меня в голове. Откуда ему знать, в чём разница, пока я не покажу?

Артём вспомнил, как обрадовался её словам о красивом браслете. Ему казалось, теперь между ними возникло полное

понимание. Но клиентка видела блик, который исчез. Она не видела, сколько попыток этому предшествовало, сколько служит выбранная деталь и кто приедет, если завтра свет начнёт мешать.

Он показал ей, какую часть витрины охватит меньший вариант. Мариам передвинула подставки.

— Вот здесь оставим пусто. Иначе опять хочется выставить сразу всё.

В этом она разбиралась лучше него. Артём начал было предлагать дополнительную подсветку, но остановился: они уже нашли решение, которое подходило обоим.

У двери он всё-таки спросил, почему она нахмурилась при первом разговоре о цене.

— Я вспомнила, что ещё не заплатила за новую вывеску. А что?

— Ничего. Хорошо, что спросил.

Фариду про туфлю он решил не напоминать.

Они согласовали, что именно будет сделано, когда и сколько это стоит. Заказ прошёл через мастерскую Фарида, где заранее договорились об оплате работы Артёма и использовании оборудования. У каждого была своя часть обязательств. Никто не делал вид, что электричество, помещение и чужие руки достаются бесплатно.

Через несколько дней Мариам принимала готовую витрину.

Она проверила свет снаружи, из-за прилавка и сидя на

своём высоком стуле. Попросила немного изменить положение одного элемента. Артём поправил его, и браслет перестал ловить резкую светлую полосу.

— Теперь хорошо.

На этот раз, услышав вопрос об оплате, он назвал согласованную сумму без извиняющейся улыбки.

Ты можешь быть добрым человеком и хотеть хорошей платы за свою работу. Эти желания уживаются. Цена становится предметом честного разговора, когда другой человек понимает, что получит, а ты понимаешь, что обещаешь и во что тебе обойдётся обещанное.

Получив деньги, Артём первым делом хотел сообщить Фариду, что всё получилось. Но старик уже видел его лицо.

— Запомни второе правило, — сказал он. — Назови цену, при которой работа может продолжаться.

Артём убрал телефон в карман. Впервые ему не хотелось немедленно показать заработок кому-нибудь ещё.

Ему хотелось научиться делать это снова.

Глава 4. Деньги, которым есть куда остаться

За вечер Артём потратил первые свободные деньги четыре раза. Пока только в уме.

Сперва купил Нине серьги. Потом отправил Мишу в большой парк развлечений, хотя сын находился за несколько тысяч километров от кассы. Затем заменил телефон. Под конец поужинал на террасе, куда давно смотрел с улицы.

На все четыре жизни заработка не хватало. На одну маленькую радость — вполне.

Он позвонил домой из комнаты. Нина сидела на кухне перед ноутбуком; рядом стояла кружка, на которой Миша когда-то нарисовал трактор. Трактор постепенно смывался. Одно колесо уже уехало отдельно.

— Получил за витрину, — сказал Артём.

Она улыбнулась и закрыла ноутбук.

Ему понравилось, как быстро она это сделала.

— Хочу тебе кое-что купить.

— Мне нравится начало.

Он показал фотографию серёг. Нина приблизила изображение.

— Красивые. Только у меня от таких застёжек уши болят.

— Я думал, тебе понравятся.

— Мне нравится, что ты обо мне подумал. А купить я сейчас хочу ботинки. Те, в которых могу пройти весь день и не вспоминать о ногах.

Артём вздохнул. Он уже видел, как серьги лежат в маленькой коробке. В его воображении жена открывала её без единого замечания о застёжках.

— Ты опять всё переводишь в полезное.

— Они ужасно дорогие и совсем неприлично красивые. Не волнуйся за мою практичность.

Они рассмеялись. Потом Нина спросила, сколько из полученного действительно осталось Артёму. Он рассказал: материалы и мастерская оплачены, за свою работу он получил отдельно, сверх этого появился небольшой свободный остаток.

— Давай часть оставим, — предложила она.

— Мы и так всё время оставляем на потом.

— Нет. Мы всё время тратим на сейчас. А потом надеемся, что потом окажемся богаче.

Сказала она без упрёка, но Артём услышал именно упрёк. Ему хотелось привезти из этого вечера доказательство, что жизнь уже меняется. Деньги, которые просто лежат, плохо подходили для доказательства.

В разговор вмешался Миша. Показал отцу картонный самолёт, пожаловался на хвост, который заваливал всю конструкцию, и спросил, может ли настоящее крыло быть кри-
вым.

— Может, — ответил Артём. — Только лучше знать, за чем.

Нина за кадром засмеялась:

— Хорошее правило для покупок.

На следующий день Артём пересказал разговор Фариду. Они сидели у открытых ворот мастерской. Улица была белой от солнца. Рабочий поливал водой пыль перед соседним входом; пахло мокрым камнем, и этот запах напоминал Артёму летние дворы Самары.

— Она права, — сказал он заранее. — Я знаю.

— Возможно. Но ты сердишься.

— Будто я только начал зарабатывать, а мне уже нельзя потратить.

Фарид разломил финик, посмотрел внутрь и протянул половину Артёму.

— Мне нравится тратить деньги. Я поэтому и хотел их иметь. Но однажды обнаружил, что заработанное может много лет проходить через твои руки и ничего в твоём положении не менять.

— И надо откладывать определённую часть?

— Надо сначала понять, что у тебя можно оставить. Есть люди, которым сейчас не хватает на необходимое. Совет отнять у их семьи кусок ужина я хорошим не назову. У тебя этот остаток появился. Значит, можно решить его судьбу до того, как за тебя решит вечер.

Старик поискал вторую половину финика и обнаружил,

что уже съел её.

— Расскажу про стекольщика. Он тоже хотел доказательств.

Стекольщик и маленькое окно

Стекольщик Саид умел вставлять большие окна так, что с улицы казалось: между проходом и комнатой вовсе ничего нет. Хозяева постоянных дворов любили его за аккуратность. Богатые женщины — за то, что после его ухода не находили на ковре ни одной острой крошки.

В собственном доме Саида одно окно оставалось затянуто промасленной тканью.

Оно было маленьким и находилось в комнате матери. Ей нравилось сидеть там по утрам. Сквозь ткань проникал свет, но сад не было видно. Чтобы посмотреть на дерево, мать отодвигала край, и зимой в щель тянуло холодом.

— На следующей неделе, — говорил Саид.

Окно не было забыто. Он помнил его, когда платил за аренду, покупал новые сапоги, заказывал мясо к приходу родственников. Каждый раз находилось что-нибудь, что следовало сделать раньше.

Однажды купец подарил ему красивый пояс за удачную работу. Саид носил его на праздники и каждый раз получал комплименты. На пояс можно было докупить подходящую пряжку. Пряжка стоила примерно столько же, сколько стекло для маленького окна.

Он выбрал пряжку.

Мать не сказала ничего. Это оказалось удобно. Купец за-

мечал пояс, родственники замечали угощение, а окно умело ждать без звука.

К зиме мать начала хуже видеть. Саид отвёл её к лекарю, купил всё, что тот велел, и снова отложил стекло. Теперь у него была настоящая причина.

В это время ученик нашёл в мастерской кусок, оставшийся от большого заказа.

— Хватит на ваше окно, — сказал он.

Саид уже протянул руку, но остановился. Стекло принадлежало заказчику. Тот заплатил за целый лист и просил сохранить остаток.

— Он всё равно не вспомнит, — добавил ученик.

Мастер завернул кусок в ткань и написал на ней имя владельца. Ему было стыдно за то, как сильно хотелось поверить ученику.

На следующий день он пошёл покупать стекло. Денег хватило бы, если отложить плату за помещение. Хозяин однажды уже соглашался подождать. Саид подумал о матери, о морозе, о том, как хорошо будет выглядеть новое окно, и почти решил попросить отсрочку.

Но вспомнил: прошлой зимой тот человек сам одалживал на ремонт крыши. Саид собирался залатать своё ожидание чужим.

Он вернулся домой с пустыми руками.

За ужином объяснил матери, сколько стоит стекло, как много сейчас расходов и почему всё происходит так неудач-

но.

Она слушала внимательно.

— Я не знаю твоих расчётов, — сказала мать. — Только знаю, что у этого окна никогда нет своей очереди.

Саид хотел напомнить про лекаря. Но мать благодарила его за заботу каждый день. Сейчас она говорила о другом, и он это понимал.

Утром мастер поставил на полку пустой ящик. После следующей оплаченной работы он отделил то, что принадлежало поставщику, ученику и хозяину помещения. Из своего заработка оставил немного в ящике. На крышке написал размеры окна.

Он не дал клятву класть одинаковое число монет каждый раз. В одну неделю удалось оставить больше, в другую — ничего. Когда понадобилось новое лекарство, часть денег вынул. На крышке рядом с размерами сделал пометку, чтобы помнить, сколько взял.

Окно впервые стало участником его жизни.

Вскоре родственник позвал Саида на свадьбу. По обычаю семьи он всегда приносил большой подарок: ему нравилось, как при его появлении кто-нибудь говорил, что пришёл щедрый человек.

На этот раз он выбрал подарок поменьше.

Родственник пошутил:

— Неужели стекло в городе кончилось?

За столом засмеялись. Саид почувствовал знакомое жела-

ние немедленно заказать ещё угощения. Даже поднял руку, чтобы позвать хозяина.

Потом опустил.

Шутка не погубила свадьбу. Никто не перестал с ним разговаривать. Только он сам весь вечер тосковал по тому Саиду, который легко покупал восхищение.

Стекло он приобрёл в конце зимы. Отмерял, проверял, подгонял раму так тщательно, будто заказчик стоял за спиной. Мать сидела рядом в платке и время от времени спрашивала, не мешает ли она.

Когда работа закончилась, Саид убрал инструменты и позвал её к окну.

Она долго смотрела в сад.

— Лимонное дерево? — спросила наконец.

— Да.

Мать подошла ближе.

— А плоды уже есть?

Он понял, что она не различает их.

Окно он успел сделать. Вернуть прежнее зрение матери не мог.

Саид хотел заговорить, но слова показались ему бесполезными. Он вышел во двор, сорвал лимон с низкой ветки и вложил ей в ладонь. Она поднесла плод к лицу, потёрла кожуру большим пальцем.

— Теперь знаю, какое дерево, — сказала она.

Сын сел рядом. Они молчали, пока солнце двигалось по

полу.

Позднее Саид сделал на месте маленького окна широкое. Мать радовалась свету, различала птиц близко от стекла и держала возле стула корзинку для лимонов.

Ящик мастер не выбросил. Старые размеры остались на крышке. Теперь он оставлял деньги на время, когда заказов станет меньше, на ремонт инструмента, на свои будущие желания. Не все желания исполнялись. Но каждое получало очередь, о которой можно было говорить всерьёз.

Артём провёл пальцем по холодной бутылке воды.

— Жестокая история.

— Потому что стекло не вылечило глаза?

— Потому что он всё-таки сделал окно.

Фарид кивнул.

— Деньги умеют помогать многому. Время они возвращают плохо.

Из мастерской донёсся голос Сальмы. Она громко выясняла, кто взял её линейку, и по тону было ясно, что притча о терпении сейчас не поможет. Фарид поднялся, достал линейку из собственного заднего кармана и молча отнёс дочери.

Когда вернулся, Артём спросил:

— А как понять, сколько оставить? На всё ведь не хватит.

— Начни с того, что способно выбить тебя из жизни в ближайшее время. Перерыв в заработке, необходимая поездка, расход, который невозможно перенести. Сколько нужно пе-

режить без паники? Ты не получишь весь запас завтра. Но можешь перестать каждый раз начинать с пустого места.

— И не трогать его?

— Трогать, когда наступит то, ради чего он лежит. Если ты используешь запас по назначению, он сработал. Потом будешь восстанавливать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.